

МИЛОВАН ГЛИШИЧ

Спустя девяносто лет

Москва

> МАТИС ТРАЛЪ >

МИЛОВАН ГЛИШИЧ

Спустя девяносто лет

Москва

УДК 821.163.41-31
ББК 84(4Сер)-44
Г54

Перевод с сербского
и составление сборника *Ольги Новожиловой*
Художественное оформление *Натальи Портяной*

Глишич, Милован.

Г54 Спустя девяносто лет / Милован Глишич ; [перевод с сербского О. С. Новожиловой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 288 с.

ISBN 978-5-04-206650-4

Милована Глишича называют «сербским Гоголем». В его произведениях страшные народные поверья и мистические истории соединяются с юмором и сатирой. За 17 лет до выхода романа Брэма Стокера «Дракула» Глишич написал повесть, в которой появляется легендарный вампир Сава Саванович. Вы обязательно с ним встретитесь в этой книге.

А еще на страницах сборника вас поджидают задухачи, управляющие погодой, джинны, несущиеся в хороводе, призраки и черти. Только не дайте себя обмануть, не все из рассказанного — происки нечистой силы. Иногда это просто крестьянские суеверия или даже чья-то хитрая выдумка. В любом случае книга пропитана сербским фольклором, а вам предстоит увлекательное мистическое путешествие.

УДК 821.163.41-31
ББК 84(4Сер)-44

ISBN 978-5-04-206650-4

© Новожилова О.С., составление и перевод на русский, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

НОЧЬ НА МОСТУ

По мотивам народных поверий

Случилось как-то, занесло меня под вечер к дядь-Джураджу, что из Маховишта. Это тот старикан, который раньше каждый год приезжал на ярмарку в В.¹, привозил на продажу калган-траву и горечавку. Нынче уже не приезжает, потому как совсем состарился, ноги не держат... Остановился я, значит, у дядь-Джураджа. Кроме его сыновей и остальных домашних были там ещё трое местных сельчан, которые нанялись им луг покосить. После ужина зашёл разговор про всяко-разно. Под конец заговорили о вампирах, здухачах², джиннах, ведьмах и о другой нечистой силе, какая только может в глухую ночь человеку явиться. Каждый

¹ Вероятно, речь о городе Валево. В дальнейших текстах действие происходит в его окрестностях, т. е. в родных местах автора. (*Здесь и далее примечания переводчика, если не указано обратное.*)

² Здухач, ветровняк или ведовняк — персонаж сербского фольклора, человек, наделённый сверхъестественным даром управлять погодой, в частности тучами и ветром. Делает это не сам здухач, а его душа, пока он спит. По поверью, здухачи из разных мест дерутся друг с другом, отгоняя тучи, несущие град.

что-то да рассказал, кто больше, кто меньше, но дядя Джурадж, ей-ей, больше всех. И как рассказывал! Как по писаному. Да какое там по писаному?! И в книгах редко встретишь, чтобы всё так складно да живо выходило, чтобы словеса так красиво плелись. Как-то он так хорошо всё умел расположить. И место, где что случилось, так распишет, что живо себе представляешь всякую травку, дерево, камень, даже если птица там какая запела или пролетела — как будто своими глазами видишь. Кажется, будто вот оно, тут, прямо сейчас перед тобой деется.

И вот болтаем мы, болтаем, а один из местных и спрашивает:

— А помнишь ещё было, дядь-Джура, твой покойный кум Иван из Драчича на мосту ночевал?

Дядя Джурадж малость подумал и начал.

— Ох, детки, всего я, конечно, не упомяну, давно дело было! Столько лет прошло, многое уже позабылось. Покойный мой кум Иван, царствие небесное, очень, бедняга, тогда намучился. Это давно было, вы детки, тогда ещё не родились. Покойный кум Иван был, можно сказать, из лучших людей в Драчиче. Зажиточный, семья большая, всего хватает, а сам расудительный, открытый и сердечный. Дважды воевал! Человек видный, лицом пригож, только на лбу отметина, ранили его под Мишаром¹. Он одного агу²

¹ Речь идёт о битве при Мишаре 1806 года, одной из битв времён Первого сербского восстания.

² В Османской империи ага — титул военачальника, в том числе командира янычар.

убил, да и побежал пистолеты подобрать, серебром отделанные. До недавних пор эти пистолеты хранились у внука его, кума Маринко. Вот это было доброе оружие, надёжное! Чистое серебро! Каждый, детки, стоил как лучший арабский скакун. Но Маринко влез в долги, всё перезаложил, пропали и эти пистолеты. Такое оружие, прямо слёзы наворачиваются. Эх, детки, злые нынче времена настали. Я ещё помню, как здешние люди и не знали, что такое ростовщики и ссуды. А сейчас не найдёшь ни одного хозяйства без долгов, может, только одно-два ещё держатся. Знаете, детки, лет семь-восемь назад наше село было что твой букет — под сотню домов, один другого краше и богаче. А теперь двух-трёх не насчитать, где хоть что-то да есть, а остальные — бог его знает, есть ли у них хоть на три дня довольно хлеба в доме. Всё это, дорогие мои, от ростовщиков, ссуд, тяжб, судов и многих других несчастий, что с каждым днём всё больше уничтожают и портят нынешнее злосчастное поколение!..

— Как-то раз, где-то около Спасова дня, только мы с детьми вышли в поле, как вдруг, гляньте-ка, кум Иван. Он к нам в село по какой-то надобности выбрался. Пробыл три дня. И как раз в субботу собрался обратно. Дело к ночи, а он прощаться: у меня, говорит, дело есть, надо завтра на базар, купить там кое-чего по хозяйству, а не в выходной не успеваю. Мы его удерживать, пусть бы переночевал, да и отправился утром раненько, успел бы и домой, и на базар, раз так надо. Но какое там! И слушать не хочет. Прямо сейчас пойдёт, и баста. Он, бедолага, упрямый был.

Если что решил, от своего не отступится. Вижу, никак его не убедишь, ну и говорю: «Давай, кум, хоть сядем, поужинаешь что бог послал, а там и пойдёшь». И хозяйка моя, покойница, и дети тоже насели на него, так что на ужин он остался. Пришли ещё двое моих тутошних соседей. Поужинали и за разговором выпили ракии¹ на посошок. Очень мы тогда разболтались, вот как сейчас. Покойный Митар, один из соседей, много нам всяких историй понарасказывал, одна другой страшнее. Он их, окаянный, много знал, три дня мог рассказывать без передыху. Ох, детки, хорошо мы тогда набрались... Кум Иван всё рвётся пойти, а мы ему «сядь, кум, давай ещё по одной, да ещё одну на дорожку!» — ночь уже, а мы всё сидим. Наконец выпили ещё по одной на прощание, кум Иван со всеми расцеловался и пошёл себе.

Той ночью было, как бы сказать: ни ясно, ни облачно, а тонкими облачками всё небо затянуло и иногда только месяц проглядывает, слабо-слабо. Тишина, ни ветерка. И видно было далеко через лес и туман этот. Такие ночи, детки, самые страшные. Когда месяц светит, всё кругом видно, ясно человеку, что есть что. Когда темнота кромешная, конечно, ничего не видно, но хоть не так страшно, как когда такая серая ночь. А тут каждое дерево, каждый камень чудным кажется, жутким. Одним словом, страшно! И как раз в такое время чаще всего всякая нечисть людям является.

¹ Р а к и я — балканский фруктовый самогон.

Идёт, значит, детки, мой покойный кум Иван, а шагает всё осторожнее. И подходит уже к Мравиньцам. Там и среди дня страшно пройти, а уж ночью, да ещё в такое глухое время... С обеих сторон сгрудились овраги, низкие вязы стоят как муравейники. Потому так место и называется — Мравиньци. Лес, по правде, редкий, но деревья крупные и ветвистые. И что-то моему куму Ивану взбрело на ум проверить свой амулет за пазухой. Ему этот амулет привёз один монах из Иерусалима, он сюда на сбор подаяния приезжал. Кум Иван ему отдал лучшего барана и три талера¹, а покойная кума Яна — совсем новую рубаху с ещё не прорезанным воротом. Монах ему так сказал, чтобы амулет всегда носил за пазухой, слева у сердца, и тогда может без боязни ходить куда вздумается, хоть днём, хоть ночью, ничего ему не будет. Значит, лезет он за пазуху, глядь — нет амулета! Он призадумался. Что за ерунда? Куда подевался? Думает, думает, где он мог амулет оставить. У нас тут не забывал... Стал дальше думать. В конце концов вспомнил, что оставил его дома, в ваяте²: когда собирался сюда, рубаху переодевал, да и уронил. И до чего нехорошо, что он сейчас без амулета остался! Возвращаться не след, да и не стал бы он, раз уж пошёл и со всеми рас-

¹ До 1868 года в Княжестве Сербия не чеканили собственной монеты, в обращении было 43 вида монет разных государств. В основном хождение имели турецкие и австрийские деньги.

² Ваят — небольшой отдельно стоящий домик без окон, куда после свадьбы на некоторое время переселялись молодые. В другое время мог использоваться как кладовая или спальня.

прощался. Что ж, значит остаётся идти, а там как бог даст!

И вот, значит, детки, перекрестился он и дальше идёт. Задумался что-то, поднял глаза, а там — всадник на белом коне. Едет себе по обочине, а ничего не слышать. Кум Иван его окликнул: «Бог в помощь, брат!» Тот молчит. Иван чуть быстрее пошёл; опять посмотрел — опять всадник на белом коне, и не отстаёт. Иван его снова окликнул — ни звука! Как воды в рот набрал. Потом пропал куда-то... Иван постоял немного, глядит — вон он опять, и прямо летит по скалам, словно тень по стене, и ни камушек не шелохнётся. У кума Ивана мурашки по спине побежали. Побыстрей пошёл, а сам всё косится в сторону. Всадник то исчезает, то опять появляется. Кум быстрее бежать. Смотрит — нет его! И тут у него за спиной как грохнет что-то, да так гулко, будто кто с огромного бука мельничный жёрнов уронил — аж земля задрожала! У кума Ивана колени подогнулись... Несколько шагов вперёд сделал, и вдруг повеяло что-то перед ним, как будто порывом ветра подняло листья в лесу и завертело. Тут прямо перед ним перевалил через дорогу огромный сноп сена, да такой тяжёлый, камни под ним дробятся! Потом ещё один, ещё — три, один за одним! У кума Ивана не то что волосы, шапка дыбом встала, мурашки по всему телу бегают... Лицо как горячим ветром обдало. Перекрестился он и дальше идёт. Спустился он в ущелье, по дну камни лежат, а вокруг буковый лес, а там — что за диво! Камни от земли отпрыгивают со стуком, звук такой, как бывает, если горсть монет

возьмёшь, зажмёшь ладонью и потрясёшь. У деревьев корни трещат, прямо из земли вырываются, а ветви скрипят и осыпаются. Всё ущелье ходуном ходит. Куму Ивану слышатся какие-то глухие удары, будто бьют по дну полной бочки. Он снова крестится и дальше идёт. Пот с него льёт ручьями, сам дрожит как былинка. Он потом рассказывал, что никогда так не пугался, как в тот вечер. У него, конечно, были за поясом те пистолеты и ещё большой нож, что он на Дрине снял с одного турка, — но что толку! В кого тут стрелять-то? Да и не след, детки, стрелять в нечистую силу — ствол у ружья разорвёт. Вот Манойло из Златарича, он, было дело, выстрелил из ружья в призрака на той вершине, где Челие¹, так у него от всего ружья только «яблоко» в руках осталось, остальное разлетелось на кусочки. В общем, собрался кум Иван с силами, всё едино надо идти. Что уж теперь поделаешь — только дальше. Но уж поскорее! Поспешил он выбраться из этого ущелья. Весь вспотел, со лба пот ручьями течёт, с подбородка капает. Только вышел из ущелья на бережок, засвистел ветер, сильный, холодный. Его слева что-то обожгло, а правая нога и левая рука — как занемели. Он и внимания не обращает. Спешит дальше, и всё тут. А ветер беснуется, то сильнее задует, то слабее, а то вроде как вовсе утихнет.

Как он подошёл к Брезовицам, запели первые пегухи. Он тогда снова перекрестился, «слава богу!» ска-

¹ Здесь и далее речь о монастыре Челие неподалёку от Валево.

зал и поспешил к дому свояка Продана немножко передохнуть да и повидаться с роднёй. Эх, деточки, раньше-то родня лучше ладила. В гости друг к другу ходили, гостей ждали и привечали. Теперь уж не то. Нет такой дружбы, привета и гостеприимства, как в старые времена. Нынешние все норовят другому яму выкопать. Только о себе думают. Всякий отрекается от родных, стыдится их и сторонится. Я, детки, знаю стариков, которые с чужаком или иноверцем приветливей обходились, защищали, помогали чем могли — чем сейчас не всякие родные братья друг с другом обходятся. Нынче братья только и смотрят, как бы друг другу ножку подставить или вовсе сгубить. Всяк сейчас только о своём кармане печётся. Каждый смотрит, как бы тебя надурить, без последней рубашки оставить, или в чистом поле, хоть ты умирай — всё равно ему. Нынче люди предпочтут пойти в корчму, день-деньской там время тратить, напиться, всё прокутить с собутыльниками, чем к ближайшей родне зайти. Я, детки, помню время, когда в нашем селе не было корчмы и, ей-богу, во всём тогда было изобилие, урожай был лучше, у всякого довольно и на столе, и в карманах. И вот я смотрю — пять лет всего, как построили у нас эту проклятую корчму, и что делается? Одно зло от неё! Наши туда бегут с раннего утра, как мёдом им там намазано. Работать перестали, обленились, испакостились. По целым дням их оттуда не выгонишь — знай себе клюют носом, пьют и глазают по сторонам, а дома у них и урожай пропадает, и скотина, и всё. А потом в долги залезают отчего-то, мол,

«год неурожайный! Бог не даёт!»... Эх, детки, год-то всегда урожайный, и всё Бог даёт, если работать... Нет, детки, нынче уже не работают, как когда-то, и жизнь теперь не та! Теперь уж всё не то...

И вот пришёл кум Иван к Продановому дому и застучал в двери. Все домашние проснулись, Продан тоже встал, засветил лучину и открыл ему. Увидел Ивана и удивился: «Ты откуда, свояк, в такое время?» — «Погоди, свояк, маленько, дай в себя прийти, и всё расскажу», — ответил Иван и присел у огня, хозяйка ему стул поставила... Принесли ракии, выпили по одной. Кум всё Продану рассказал, что с ним приключилось в Мравиньцах. Долго сидели! Начало у кума Ивана дёргать правую ногу и левую руку. И всё хуже и хуже! Какое там идти куда-то! Продан велел хозяйке постелить ему у огня, отдохнёт малость, небось и полегчает. Сразу постелили, лёг он. Бьёт его как в лихорадке. Рука и нога всё сильнее болят. Глаз не сомкнуть!

Назавтра он уже и двинуться не мог. Рука и нога заковенели. Весь в огне — своих не узнаёт. Только бормочет что-то в бреду, и всё кричит: «Домой хочу! Отнесите меня домой!» Продан обождал два-три дня, думал, может, полегчает ему. Какое там! Только хуже и хуже. Когда Продан понял, что дело нешуточное, он запряг волов, положил моего кума на телегу и отвёз его домой в Драчич; во-первых, чтоб его, боже упаси, смертный час не застал так далеко от дома и родных, а во-вторых, сам кум Иван настаивал, как только чуток в себя приходил, чтобы его отвезли домой.

Когда Продан подъехал к дому Ивана, все домо-
чадцы навстречу выбежали, удивились, перепугались.
Покойная кума Яна — в плач. Ивана вытащили из
телеги, постелили ему и тут же уложили.

— Я и не знаю, что с ним! — говорит Продан. —
Он пришёл ко мне перед рассветом, живой и здоро-
вый, и вдруг начал жаловаться, что нехорошо ему. Это
было в ночь на воскресенье. Его одолела какая-то ли-
хорадка. Я говорю, подождём, утро вечера мудренее,
а назавтра — на тебе, он и встать не смог!

— Я знала, что несчастье какое-то приключится,
раз он оберег забыл, — говорит Яна. — Было уже од-
нажды, пошёл без него, да и заболел, вот и опять!

— Молись Богу, свояченица, и пригляди за
ним, — ободряет её Продан. — Думаю, его бы распа-
рить хорошо.

Продан побыл у Ивана несколько дней, а потом
отправился домой в Брезовицы.

Долго, детки, лежал кум Иван. И парили его,
и травы приносили, и купали, и угли ему гасили и той
водой поили; всех до единой старух, которые в болез-
нях понимают, позвали. Но всё без толку. В конце
концов позвали и старого попа Йована из Челие, он
ему прочитал великую Васильеву молитву — страш-
ную, детки, её ещё читают от этой, боже упаси, па-
дучей. И опять без толку. Только что в себя пришёл,
а рука и нога и дальше не поднимаются. У всех уже
руки опустились. И тут вдруг — на тебе! — пришёл
дядька Сретен из Лелича и, как увидел, как мучается
кум Иван, руками всплеснул и воскликнул: